

Губернатор Суйчуаня Хун Ай с превеликим трудом укомплектовал шестьсот тысяч повозок с продовольствием. Часть выделил центр, часть собрали по уездам и закупили у торговцев. Но стоило ему приготовиться к раздаче, как до него донеслись вести, что Ли Яньи уже успела объехать всю Суйчуань с благотворительностью, подчистую переманив на свою сторону признательность и любовь простого люда. Хун Ай был измотан до предела: изначально он планировал наскрести целый миллион повозок, но осилил лишь половину. Поняв, что больше реквизирувать у населения не удастся, он решил пустить в ход то, что есть, дабы спасти хотя бы тех, кого возможно, и надо же было Ли Яньи обойти его на этом поприще.

Сам он узнал о случившемся только сейчас, хотя письмо из Жунина, в котором его чёрным по белому предупреждали о кознях Ли Яньи, было отправлено бог весть когда. Донесение шло больше месяца, у Хун Ая не было времени выяснять, кто именно вставлял палки в колеса и задерживал разведданные, поэтому он спешно отправил гонца с письмом к своему дяде Фэн Куню, чтобы доложить о положении дел в Суйчуане. Впрочем, он прекрасно понимал: пока придёт ответ от Фэн Куня, будет уже слишком поздно. Действовать нужно было немедленно и на свой страх и риск.

Зерно всё равно следовало раздать, и сделать это нужно было строго от имени Сына Неба. Хун Ай незамедлительно приказал распахнуть зернохранилища и начать выдачу еды, на все лады подчеркивая, что эта милость исходит лично от императора. Вот только изголодавшиеся люди, забирая мешки, всё равно без конца поминали в своих благодарностях Старшую Принцессу.

- Это зерно выделил Сын Неба! Сама пища пожалована вам Императором!

Однако, как бы громко ни надрывался Хун Ай, его крик не мог долететь до ушей каждого человека. Видя, что при таком раскладе провизия уходит впустую, лишь укрепляя авторитет Ли Яньи в глазах народа, Хун Ай приказал солдатам перехватывать беженцев, бравших еду. Отныне мешок выдавали только после того, как человек вслух произносил: «Благодарю за священную милость Сына Неба». Таким образом, простолюдины хотя бы понимали, кто именно их кормит. Но поскольку Ли Яньи успела первой, все его потуги выглядели в глазах толпы лишь как жалкое подражание чужому успеху и близко не принесли того триумфа, который достаётся первому, кто нанес удар.

Хун Ай безуспешно хлопотал несколько дней, так и не успев раздать в уезде Цюй все запасы еды. И как раз в тот миг, когда он собирался со своей свитой выдвинуться в следующий уезд для продолжения раздачи, во двор его поместья внезапно ворвался отряд солдат. Они мгновенно окружили всех его подчинённых и личную охрану, выставив вперёд обнаженные холодные клинки.

Первым порывом Хун Ая было зычно прикрикнуть: «Какая дерзость!», однако чёрные шлемы этих людей показали ему до боли знакомыми. Возглавлявший их мужчина был облачен в змеиное одеяние и высокую шляпу¹, на его тонких, злых губах играла неприятная, леденящая душу ухмылка, а голос звучал куда более пронзительно и высоко, чем у обычных мужчин.

¹Змеиное одеяние и высокая шляпа (蟒袍 / Змеиный халат) — специфическое официальное облачение следователей, судейских чинов или евнухов в судебных ведомствах императорского Китая. Пленение высокопоставленного губернатора фигурой в такой одежде указывает на прямой приказ из судебной верхушки столицы.

- Так ты и есть Хун Ай? - спросил этот человек. Заведя руки за спину, он неторопливо и вальяжно оглядел губернатора с ног до головы, намеренно растягивая слова.

- Он самый, - Хун Ай уже почуял, что дело принимает скверный оборот. Он чинно сложил ладони перед собой и слегка поклонился:

- Какими судьбами министр судебного ведомства (Тинвэйши) пожаловал к моему скромному порогу?

- Раз уж ты знаешь, кто я такой, то понимаешь, что сегодня тебе не сбежать. Взять его.

Ищейки из судебного ведомства (Тинвэйшу) ловко заломили Хун Аю руки за спину и намертво связали. Тот отчаянно закричал:

- Пойдите! Может ли министр поведать мне, какой именно закон я нарушил, что удостоился столь жесткого ареста?! Даже если меня собираются бросить в следственную тюрьму (чжаоюй), я должен по крайней мере знать свою вину, чтобы покориться закону с чистой совестью! Я прибыл в Суйчуань ради спасения голодающих по прямому приказу Сына Неба! Как вы смеете вот так просто хватать государственного служащего?!

Министр улыбнулся и сказал:

- Что ж, раз ты так просишь, я позволю тебе умереть с ясной головой. Где стоят твои повозки с зерном?

- Повозки? - Хун Ай не ожидал такого вопроса. - Все они стоят на заднем дворе.

- Обыскать! - скомандовал Тинвэйши. Солдаты лавиной бросились на задний двор, принявшись срывать крышки с бочек и телег и тщательно переворачивать каждый мешок с продовольствием.

Хун Ай ничего не понимал:

- Что министр имеет в виду? Неужели вы подозреваете, что с моим зерном что-то не так?

Министр, лишь скрестил руки на груди и промолчал, даже не взглянув на Хун Ая. После поисков, занявших время, необходимое для сгорания двух палочек благовоний, они быстро обнаружили улики.

- Господин! В этой бочке зерна внутри двойное дно!

- Господин! В этой тоже!

- Фальшивое дно? - Хун Ай совершенно растерялся и посмотрел на своих подчинённых. Однако все его удерживаемые слуги и стражники выглядели так же ошарашенно, явно не понимая, откуда взялись эти потайные перегородки.

Министр шагнул вперед и пинком перевернул бочку. Упав на землю, та раскололась надвое, и из нее вывалились две деревянные дощечки, между которыми оказалась сплошная грязь и камни. Они разбили еще десяток бочек и везде картина повторилась.

- В бочках, где должно поместиться количество зерна весом с человека, почти нет ни единой крупинцы риса! Там одна несъедобная дрянь и мусор. Губернатор Хун, так вот какими вещами вы спасаете голодающих?!

Перед лицом этих безжалостных обвинений министра Хун Ай не смог выдавить из себя ни слова. Как он мог самолично подмешать грязь и сделать двойное дно в благотворительном

зерне?!

- Вы присвоили выделенные на помощь голодающим средства, подменили первосортное зерно гнилым мусором, а ваша коррупция и беззаконие - это преступление, караемое смертной казнью! Хун Ай! Что еще ты можешь сказать в своё оправдание?! Стража! Бросить его в арестантскую телегу и доставить в императорскую тюрьму!

- Слушаемся!

Руки и ноги Хун Ая намертво сковали тяжёлыми железными цепями, соединив их вместе, и буквально поволокли его по воздуху. Хун Ай отчаянно закричал:

- Пойдите! Меня подставили! Я вспомнил! Это всё та торговка-варварка ху! Бочки с этим зерном мне продала приезжая торговка из племени Ху!

- Торговка-ху? Дело дошло до крайности, а ты всё ещё пытаешься отпираться. В наши дни продовольствие ценится на вес золота, а ты принял такое огромное количество зерна, даже не удосужившись его проверить? И после этого хочешь, чтобы кто-то поверил, будто ты не знал о двойном дне?! Не мог придумать оправдания получше? Какая нелепость!

- Я... - Хун Ай вспомнил, что та торговка-варварка предложила цену значительно ниже рыночной. К тому же она была чужеземкой из племени Ху, а сейчас многие пользующиеся моментом торговцы-ху промышляли подобным образом, так что Хун Ай тогда не почувял неладного. Помимо тридцати тысяч повозок с продовольствием, выделенных императорским двором, большую часть остальных запасов он действительно скупил у этих варварских торговцев. Зерна было так много, что его едва успевали размещать, откуда бы у него нашлось время проверять каждую бочку по отдельности?

- Если тебе есть что ещё сказать, расскажешь это моему железному крюку в императорской тюрьме.

Его даже не довели до земли: стражники просто подхватили его под руки и с размаху швырнули внутрь арестантской телеги. От удара его заломленные конечности пронзила такая дикая боль, что он взвыл от ярости. Министр, которому этот крик изрядно резал слух, стремительно бросился к телеге, на ходу выхватывая клинок. Хун Ай смертельно побледнел, однако Министр не стал сносить ему голову, он с размаху ударил его рукоятью меча, и губернатор мгновенно лишился чувств.

- Тоже мне, взрослый мужчина, а визжит как девка, — министр брезгливо сплюнул, похлопал по борту арестантской телеги, и пара вороных коней тут же рванула вперёд, увлекая повозку за собой.

Судебное ведомство пронеслось по поместью подобно опустошительному урагану, увлекая за собой Хун Ая и всех его людей. Перекошенные ворота маленького дворика теперь сиротливо качались на петлях, а разбитую посуду, усеявшую всю землю, некому было убрать. Вокруг воцарилась звенящая, леденящая душу тишина.

...

- Хун Ая схватило судебное ведомство?! Когда это произошло?! За что его взяли?! Где он сейчас?! - услышав доклад, Фэн Кунь, который уже успел снять верхнее одеяние и оставался в одном исподнем, застыл с чашкой чая в руке. Едва до него донеслись вести о Хун Ае, он тут же выставил всех слуг вон и плотно запер двери покоев. Когда он начал расспрашивать гонца, то

обнаружил, что всё ещё сжимает в ладони давно остывший чай.

- Отвечаю генералу: поговаривают, будто в заготовленном им продовольствии обнаружили двойное дно, и внутри вместо зерна оказались сплошь грязь и камни. Чиновник Тинвэйши лично возглавил отряд, отправился в Суйчуань и взял его под стражу. Губернатора Хуна напрямую обвиняют в том, что во время спасения голодающих в Суйчуане он присвоил государственные средства, злоупотреблял властью и брал взятки, выказав себя ненасытной прожорливой тварью!

- Растрата государственных средств? - гневно произнёс Фэн Кунь. - Как это возможно?

Человек, докладывающий новости, сказал:

- Сейчас Министр уже препроводил губернатора Хуна обратно в императорскую тюрьму, и министр Гуань Сюнь уже ждёт его там.

Фэн Кунь помрачнел и сказал:

- Как такое возможно?! Этот Гуань Сюнь отъявленный жестокий чиновник, и говорят, что его методы неопишимо свирепы. Он способен развязать любой, даже самый упрямый язык, и ни один железный кулак не выдержит его допросов с пристрастием... Раз уж ему поручили следствие над Хун Аем, они явно намерены выбить из него признание под пытками!

Предки Великой Юй всегда придавали большое значение честности чиновников. Предыдущий Император однажды казнил целую семью за то, что помощник министра присвоил восемьсот таэлей серебра. Во время периода Шэньчу Министр судебного ведомства всё ещё строго расследовал коррупцию. Именно поэтому во многих придворных расправах обвинение в коррупции использовалось как главный рычаг, чтобы сокрушить и опрокинуть политических врагов. И хотя после кончины покойного Императора законы стали чуть мягче, грех казнокрадства всё ещё оставался тягчайшим преступлением. Теперь же Хун Ай умудрился вляпаться в подобное дело. Ситуация была из рук вон скверной, тем более что речь шла о деньгах для голодающих беженцев. Стоит этим вестям выплыть наружу, как они поднимут волну ярости среди простого люда, и тогда совладать с катастрофой будет и вовсе невозможно.

Хищение является смертным преступлением для клана. Хун Ай - племянник Фэн Куня. Если Хун Ая действительно признают виновным в хищении, не только семья Хун, но и семья Фэн может не избежать бедствия. Более того, его дочь, нынешняя императрица, непременно будет втянута.

Фэн Кунь поспешно набросил одежду, велел подать повозку и глубокой ночью помчался в Запретный город.

Какая изощренная, безупречная интрига! Если этот замысел действительно выгорит, то жизни всего его клана оборвутся прямо здесь. Стоит семье Фэн пасть, как Сын Неба Ли Цзюй окажется в отчаянном, невыносимом положении. Как сможет один-единственный клан Се удержать удар и противостоять той сокрушительной, яростной мощи, с которой Ли Яньи рвётся к верховной власти?

Но есть ли у Ли Яньи настоящие улики? Двойное дно в бочках - это очевидный, наглый навет. Как мог Хун Ай присвоить государственную казну, откуда бы у него взялась такая дерзость?!

Фэн Кунь вихрем домчался до Южных ворот Запретного города, но его тут же преградили воины императорской гвардии Цзиньувэй.

- Гочжан, Запретный город уже заперт, чинам внешних ведомств вход воспрещен. Пожалуйста, не заставляйте вашего покорного слугу идти наперекор долгу.

- Ничтожество! Императрица вот-вот разродится! Я прибыл, дабы доставить ей спасительное снадобье! Если из-за вашей задержки оборвутся жизни императрицы и наследного принца, сколько ваших голов хватит, чтобы искупить этот грех на плахе?!

То, что императрица уже долгое время носит под сердцем дитя, было доподлинно известно всей Великой Юй. Однако стражники Цзиньувэй знали лишь о её беременности, но понятия не имели, когда именно должны наступить роды. Слова Фэн Куня заставили гвардейца на мгновение заколебаться. Кучер Фэн Куня, будучи старым и тёртым калачом, мгновенно почувствовал лазейку: он со всей силы полоснул коней кнутом, и повозка на бешеной скорости влетела в ворота Запретного города.

Внутри Запретного города несли ночной дозор многочисленные воины гвардии Хубэнь. Их бурное столкновение с Фэн Куном подняло нешуточный переполох, который долетел до ушей дворцовых евнухов. Один из них со всех ног бросился с докладом к Ли Цзюю. Молодой Император как раз только что вернулся с разговора с Гуань Сюнем из императорской тюрьмы, терзаемый жгучей тревогой, он впопыхах велел евнуху немедленно вести Фэн Куня к нему.

Едва эти двое предстали друг перед другом, как увидели, что оба они взмокли от пота с ног до головы. Им обоим вмиг стало ясно: дело Хун Ая более не секрет. Ли Цзюй захлопнул двери своего кабинета, выставив всех евнухов прочь на улицу.

- Ваше Величество, что, во имя неба, происходит?! Как могли Хун Аю предъявить столь наглое, сфабрикованное обвинение?! - Фэн Кунь, не успев сделать и глотка воды, в ту же секунду, как закрылась дверь, нетерпеливо засыпал императора вопросами.

Ли Цзюй сказал, что он и сам только что узнал об этом деле. По словам Гуань Сюня, дело было не только в двойном дне бочек с зерном, но и ранее в судебное ведомство был подан анонимный документ. Этот документ обвинял Гуанлуцина и по совместительству губернатора Суйчуаня Хун Ая, чья репутация в вопросах честности и бескорыстия была названа в высшей степени запятнанной. Получив этот документ, министр Гуань Сюнь немедленно принял меры и тайно провёл тщательное расследование. Теперь, проверив обвинения, они действовали при первой же возможности, чтобы арестовать его.

- Подтвердились?! Да быть того не может! - Фэн Кунь наотрез отказывался верить. - Неужто Министр сумел раскопать непровержимые улики того, что Хун Ай присваивал государственную казну?!

На фоне яростного рева Фэн Куня леденящее спокойствие Ли Цзюя внушало еще более жуткую, глубокую тревогу.

- Да, - ответил Ли Цзюй. И это единственное короткое слово прозвучало весомее, чем слиток в тысячу таэлей золота.

Фэн Кунь почувствовал, словно гора Тайшань давит на него, на мгновение лишив дыхания и дара речи.

- Ва... Ваше Величество лично видели эти улики?

- Да.

В душе Фэн Куня не осталось места для былых иллюзий и слепой надежды. Он понял, что на этот раз Хун Аю ни за что не спастись от плахи:

- Что же это за улики? Позволят ли они Хун Аю хотя бы принять смерть с ясной душой?

Ли Цзюй опустился в императорское кресло и со всей силы грохнул кулаком по резному подлокотнику с изображением дракона. Его ладонь мгновенно побагровела от удара, но он даже не почувствовал этой боли.

- Гуань Сюнь лично обыскал поместье Хун Ая и на глазах у многочисленных свидетелей извлёк оттуда казённое серебро, выделенное на нужды голодающих. Изъяли целых тридцать тысяч таэлей! Гуань Сюнь перевез это казённое серебро в судебное ведомство. Чтобы просто вывезти его, потребовалось несколько повозок. Я только что своими глазами видел эти слитки: на дне каждого из них выбиты официальные клейма ведомства и девиз правления.

- Как же так...

- Анонимный документ обвинил Хун Ая, утверждая, что Гуанлуцин Хун Ай, назначенный губернатором Суйчуаня по императорскому указу, использовал своё положение для присвоения средств на помощь пострадавшим, которые были спрятаны внутри резиденции Хун. Хун Ай всё ещё в Суйчуане, а дом только что был опечатан Министром Юстиции.

- Откуда у судебного ведомства такие полномочия?!

- Такие полномочия у них есть. - Ли Цзюй уже не находил в себе сил злиться, он чувствовал, как кровь стынет в его жилах. - По заветам предков, оставленным основателем династии, судебное ведомство наделено правом надзора за государством. Гуань Сюнь держит в руках личную печать основателя, что даёт ему право казнить и миловать без предварительного доклада трону. Что им какой-то Хун Ай - Гуань Сюнь имеет законное право призвать к ответу даже меня лично, таков порядок, заведённый нашими предками.

- Всего тридцать тысяч таэлей серебра! Семья Хун владеет колоссальным состоянием, с какой стати им лстыться на эти жалкие крохи?! Это же очевидная подстава! Как можно позволить им так нагло клеветать?!

Ли Цзюй устало потёр переносицу:

- Я и сам знаю, что это подстава. Вот только у нас сейчас нет улик, доказывающих это, а все неопровержимые вещественные доказательства, напротив, подтверждают казнокрадство Хун Ая. Гуань Сюнь уже отправил следователей в Суйчуань для его поимки... - в глазах Ли Цзюя вспыхнул яростный огонь. - Эта схема один в один повторяет то, как мы в своё время упекли за решетку Вэй Цзыюня.

- Это месть, - Фэн Кунь выдавил из себя тяжёлую усмешку. - Нам мстят! Это опять затея Вэй Цзычжо?

- Боюсь, эта ловушка была расставлена и приведена в действие еще тогда, когда мы только приняли решение назначить Хун Ая губернатором Суйчуаня. Все эти фальшивые улики были тайно и бесследно подброшены в поместье Хун. Если за этим делом действительно стоит Вэй Цзычжо, то глубина её замыслов и коварство внушают неподдельный ужас, - Ли Цзюй сурово нахмурился. - Но чья бы это ни была задумка, я сделаю всё возможное, чтобы замять это дело. Главное сейчас не паниковать.

Дыхание Фэн Куня было тяжёлым, и он не проронил ни слова.

- Будьте спокойны, я не позволю, чтобы с вами что-то случилось, – твердо произнёс Ли Цзюй. – Как я могу вообще позволить, чтобы с вами что-то случилось? Если что-то случится с вами, что станет с моей Цзытун, что станет с моим нерождённым сыном?! Я прикажу людям тщательно расследовать, кто написал анонимный документ, и происхождение официального серебра так же будет расследовано до конца.

Фэн Кунь опустился на колени и долго не поднимался с пола.

- Тогда... я веряю это Вашему Величеству.

Императорский указ о назначении Сыма к этому часу уже должен был прибыть в Мэнлян.

Ли Цзюй отрешенно всматривался в ночную даль, гадая, когда же наконец забрезжит рассвет:

Советник Се... когда же ты наконец вернешься?

Получив известие о том, что Фэн Куня и Хун Ая вместе препроводили в императорскую тюрьму, Ли Яньи быстро помчалась обратно в уезд Цюй, чтобы воссоединиться с Вэй Тинсуй и А-Ляо.

- Поверить не могу, что Гуань Сюнь провел расследование настолько стремительно... куда быстрее, чем я смела предполагать, – Вэй Тинсуй велела накрыть стол, оставив его явствами и вином, чтобы разделить трапезу с Ли Яньи и А-Ляо.

- Больше всего на свете мне сейчас хочется взглянуть, какого цвета стала физиономия этого старика Фэн Куня, – Ли Яньи с огромным удовольствием осушила три чарки вина подряд. Она тоже сообразила, что устроенная ранее интрига с раздором была делом рук вовсе не Се Фучэня. А раз не его, значит, за этим стоял старый разбойник Фэн Кунь. – Раз уж теперь племянника Фэн Куня под конвоем судебного ведомства доставляют в столицу, мне необходимо немедленно вернуться в Жунин. Я должна сделать всё, чтобы привлечь самого Фэн Куня к суду по закону о коллективной ответственности рода, ему ни за что нельзя дать ускользнуть!

- Ваше Высочество намерены вернуться в столицу? – отозвалась Вэй Тинсуй. – В таком случае я преподнесу Вашему Высочеству подарок, который будет неотлучно следовать за вами, облегчая тяготы и разделяя заботы.

- О? И какой же подарок ты мне приготовила? – Ли Яньи продолжила подливать себе вино.

- Ваше Высочество всегда так чутки ко всему, что касается меня, и я тоже никогда не забываю о Вашем Высочестве. Вы путешествуете по стране, но при вас нет ни одной личной служанки, что должно быть весьма обременительно.

Стоило Вэй Тинсуй дойти до этих слов, как Чжэнь Вэньцзюнь вздрогнула всем телом. Вэй Тинсуй, как и ожидалось, обернулась к ней и позвала:

- Подойди, Вэньцзюнь.

- Слушаю...

Вэй Тинсуй, слегка придерживая её за талию, подвела её прямо к Ли Яньи:

- Вэньцзюнь невероятно внимательна и расторопна, она непременно сможет как следует

позаботиться о Вашем Высочестве. Пусть она последует за вами в Жунин.

Чжэнь Вэньцзюнь уставилась на Ли Яньи, перед её глазами вмиг всё потемнело, и она даже понятия не имела, какая мина сейчас застыла на её собственном лице.

<http://bllate.org/book/17227/1636039>